

да — доменщиках, сталеварах, прокатчиках,— саму красоту человека Т. связывала с деянием («Сталевар у горячей печи — как он красив!»). Такой деятельной видит поэтесса и природу. В ее стихах предстает довольно редкое сочетание последовательной социальности (металлургический Урал), подчиненности принципам социалистического реализма и тонкого чувства природы. «Вечная» тема природы звучит у Т. то по-тютчевски философично («Природа жаждет обновления...»), то по-есенински лирично («Я без Урала не могу...»). Поэтическим символом своего края Т. избрала малахит, ибо, по мнению поэтессы, в его цвете и узорах запечатлена память об иных временах, когда Урал, возможно, еще был под «морскою вольною волной». Для Т. малахит, как и ветка из одноименного стих. 1978,— материальное подтверждение неразрывности времени и пространства: «Он морем до краев наполнен, / И кажется: слегка подуть — / Проснутся каменные волны / И морю вновь укажут путь...» («Малахит», 1945). Способности видеть сказочную красоту природы, по признанию поэтессы, она училась у «философов, поэтов, горновиков», у мастеровых, издревле умевших чудесным образом передавать «дыхание соны» в «рисунке на булатной стали».

Жанровый круг стихов Т. достаточно широк — публицистика, лирика природы, философско-притчевые стихи, драматичная любовная лирика. Т. выработала свой стиль, свою тональность, в которой повествует о разнообразных человеческих чувствах, о переживаниях лирической героини — от первых девичьих розовых мечтаний до горестного опыта зрелой женщины. Т. обладала умением сказать о самом сокровенном, проявляя при этом «истинную русскую целомудренность» (Федоров В.) Достоинство, самоуважение, но и способность к жертвенной любви — эти свойства женской души особенно дороги поэтессе. Т. убеждена в том, что они в самой природе русской женщины: «Еще любимого не встретив, / Она ему уже верна...» («Русская девушка», 1957). Т. была разработана по сути малоисследованная поэзией тема семейных отношений, увиденных через призму личного женского опыта. Богатый спектр чувств жены и матери открывается в таких стихах, как «Песня без конца», «Неужели были лживы...», «Профиль», «Сыновья» и др. Одно из самых известных стих. этого плана говорит не только о глубине материнских переживаний, гордости за сыновей, но просто и мудро напоминает о скоротечности жизни и вечном ее продолжении

в детях: «Жизнь горит во мне, неугасима, / У меня две вечности — / Два сына». («Сыновья», 1960). В поздний период творчества (1960–70-е) все чаще обращаясь к общечеловеческим «вечным» темам, Т. нередко опирается на фольклорные традиции («Кони»), на традиции балладно-аллегорических стихов в духе Д. Кедрина («Гордые», «Молчание» и др.). Зрелые стихи Т. отмечены стремлением к глубине и ясности мысли, афористической краткости и образности (см. например: «Это правда — / Гордым в жизни легче, / Только гордым сделаться — / Не просто...» Или: «Кем буду для тебя, / Когда меня не станет? / О, лишь не одиночеством / Твоим!»).

Соч.: СС: в 3 т. М., 1985; Верность. Челябинск, 1944; Синегорье. Свердловск, 1958; Малахит. М., 1960; День погожий: Новые стихи. Челябинск, 1963; Время теплых дождей. Стихи. М., 1963; Зорянка. М., 1970; Область личного счастья: стихи. Свердловск, 1989.

Лит.: Жислина С. Поэзия высокого накала. О творчестве Л. Татьянической. Челябинск, 1965; Михайлов. О поэзии Л. Татьянической // Новый мир. 1966. № 3; Ханбеков Л. Судьба — это мы: Очерк творчества поэтессы Л. К. Татьянической. Челябинск, 1984; Федоров В. О поэзии Людмилы Татьянической: [Вступ. статья] // СС: в 3 т. Т. 1; Ханбеков Л. Присагаю Уралу. Три литературных портрета. Челябинск, 1989.

М. К. Лопачева

ТАУБЕР Екатерина Леонидовна [20.11 (3.12).1903, Харьков — 6.11.1987, Мужен, Франция] — поэт, прозаик, критик.

Отец — юрист, доцент Харьковского ун-та, позже — профессор Харьковского торгового ин-та. В 1920 Т. эмигрировала с родителями в Белград. Окончила французское отделение Белградского ун-та. 4 года преподавала французский яз. и лит-ру в сербской школе. Вышла замуж за Константина Старова; переехав во Францию, поселилась на Ривьере. После Второй мировой войны 16 лет преподавала русский яз. в лицее Карно в Канне. В этот период сблизилась с Б. Зайцевым, И. Буниным, Д. Кленовским. Последние годы жизни Т. прошли в г. Мужене.

Первые стихи Т. опубликовала в 1927. В 1933 участвовала в издании антологии совр. югославской поэзии, сделала для нее переводы. Первый сб. стихов «Одиночество» вышел в Берлине в 1935. Г. Адамович отметил влияние А. Ахматовой и, указав на достоинства стихов этого сб.— «изящество, грусть», «задумчивая сдержанность», — назвал их «комнатными». Он писал: «У Екате-

рины Таубер есть дарование. Но... ей пока приходится верить „в кредит“ (Последние новости. 1935. 20 июня). В. Ходасевич также увидел опасность для молодого поэта в замкнутости: «Ее стихи не только о себе, но еще слишком „для себя“». При этом В. Ходасевич считал, что этим сб. Т. как поэт заявила о своем своеобразии. «Для Таубер каждый миг жизни — тема, потому что сама жизнь переживается ею поэтически, и это прекрасно отличает ее от весьма многих современных поэтов. Залог открытого пути к мастерству для Таубер — в ее непосредственной отзывчивости, в ее очень глубоком напряженном лиризме, в той искренности и живости, которыми так несомненно ее стихи отмечены» (Возрождение. 1935. 25 июля).

Если в сб. «Одиночество» преобладали мотивы печали, разлада с миром («От счастья стихов не пишут»), то в сб. **«Под сенью оливы»** (Париж, 1948) и **«Плечо с плечом»** (Париж, 1955) зазвучали более жизнеутверждающие ноты. Преодолев былую замкнутость, Т. откликается на события совр. жизни. Она пишет о тяжести разлуки с любимыми во время Второй мировой войны, во мн. стихах звучит тема России. «В отличие от большинства поэтов „незамеченного поколения“ Екатерина Таубер в лежащих перед нами стихах на судьбу свою не жалуется („И вот опять плечо с плечом, / И снова жизнь прекрасна в малом“») (Забезинский Г. // Новый ж. 1955. № 42. С. 302). Истоки оптимизма Т. критик находит в ее вере в «благодать и благость Божию». Г. Забезинский улавливает переключку между некоторыми стихами Т. и Р. М. Рильке, указывая при этом на оригинальность ее поэзии. «Голос у Таубер подчас наивно-трогательный, подчас беспощадно-точный, но чаще всего серьезный, вдумчивый и в то же время верующий — мало похож на голоса других живущих во Франции поэтов» (Там же).

В 1973 Т. опубликовала сб. стихов **«Нездешний дом»** (Мюнхен), а в 1984 — сб. **«Верность»** (Париж), в котором она собрала все, что считала лучшим в своей поэзии. Выход последней книги был замечен критикой. Т. Фесенко силу поэзии Т. увидела в ее умении передать восприятие «простого мира дремлющих вещей», «наполняя свои стихи бытовыми черточками, делающими их чрезвычайно живыми» (Новый ж. 1985. № 158. С. 304). Ю. Кублановский, напоминая о том, что поэзию Т. признавали такие взыскательные ценители, как В. Ходасевич, И. Бунин, З. Гиппиус, что ее лирику печатали ведущие ж. Русского зарубежья, указывает на значи-

тельность ее духовных корней. «Поэзия Таубер глубоко и органично пропитана православным духом. В отличие от уже привычной нам совр. лирики она вовсе не имморальна. Ее стихия — смирение, а не бунт, не самоутверждение» (Грани. 1984. № 131. С. 291). А. Радашкевич проводит параллели между поэзией Т. и поэтами-романтиками прошлого столетия — Ленау, Эйхендорфом, а также находит в ней отклики романской музыки Рахманинова и Танеева. «Главным мотивом творчества Е. Таубер можно полагать мимолетность сущего. Ее-то поэт и стремится запечатлеть...». «„Верность“ внушает сегодняшнему читателю острую ностальгию по той „былой России“ Екатерины Таубер, которую он своими глазами никогда не видел» (Русская мысль. 1985. 4 апр.). Стихотворения Т. печатались во мн. ж. («Совр. записки», «Русские записки», «Возрождение», «Грани»). В периодике Т. публиковала рассказы («**Чужие**», «**Возвращение**», «**У порога**» и др.). Трудные пути русских эмигрантов в Париже — гл. тема прозы Т. Не смягчая суровых условий жизни своих героев, писательница оставляет читателю надежду на то, что где-то, пусть за пределами рассказа, их участь может измениться к лучшему. Носителем этой надежды чаще всего оказывается персонаж, пытающийся внести гармонию в отношения окружающих, примирить их с жизнью.

Как лит. критик Т. предпочитала жанр рецензии или небольшой статьи, также написанной в связи с появлением в печати нового произведения. К их числу относятся три работы о Б. Зайцеве (Грани. 1957. № 33; Новый ж. 1962. № 67; Новый ж. 1969. № 94), статья **«Неукротимая совесть: (О поэзии А. Ахматовой)»**. «С 1917 г., — писала Т., — Ахматова становится не только певцом личного, но и совестью России» (Грани. 1963. № 53. С. 82). В ст. **«„Матренин двор“ А. Солженицына и „Живые мощи“ И. Тургенева»** параллельный анализ этих произведений послужил для Т. средством высказать ее убеждение в незыблемости основных ценностей русской духовной культуры. В образе Матрены она видела «вечную душу России» (Грани. 1964. № 55. С. 231), а само появление рассказа Солженицына в условиях тоталитарного государства расценила как «ответ извержившимся, не видящим за ужасом и безобразием подлинного, вечного, сияющего образа России» (Там же. С. 229).

Соч.: Одиночество. Берлин, 1935; Под сенью оливы. Париж, 1948; Плечо с плечом. Париж, 1955; Нездешний дом. Мюнхен, 1973; Верность. Париж, 1984.

Лит.: Пильский П. Кн. стихов Екатерины Таубер // Сегодня. 1935. № 146; Нарциссов Б. [Рец.: «Нездешний дом»] // Новый ж. 1973. № 113; Шиманская А. С. [Рец.: «Нездешний дом»] // Современник. 1974. № 26–27.

Е. С. Померанцева

ТВАРДОВСКИЙ Александр Трифонович [8(21).6.1910, хутор Загорье, ныне Починковский р-н Смоленской обл.— 18.12.1971, пос. Красная Пахра Московской обл.; похоронен в Москве] — поэт.

Родился в семье сельского кузнеца, всю жизнь мечтавшего о крестьянской независимости и достатке, человека целеустремленного и начитанного. Мать происходила из дворян-однодворцев, чей быт мало отличался от крестьянского. С отечественной классикой Т. познакомился в детстве, когда в семье «целые зимние вечера часто отдавались чтению вслух какой-либо книги» (Автобиография. 1965); тогда же, еще до овладения грамотой, он начинает писать стихи. В 1922 Т. оканчивает 4 класса начальной школы, однако в средней школе, находившейся в г. Ельне, продолжить учение из-за материальных затруднений не удалось.

С 1924 Т. посылает заметки в местные газ.— о неисправных мостах, о комсомольских субботниках, критикует местные власти. «Изредка заметки печатались»,— вспоминал впоследствии поэт. Поэтический дебют Т. состоялся 19 июля 1925, когда в газ. «Смоленская деревня» было напечатано стих. «**Новая изба**», заканчивающееся такими словами: «А в углу мы „богов“ не повесим / И не будет лампадка тлеть. / Вместо этой дедовской плесени / Из угла будет Ленин глядеть». Комсомольской бескомпромиссностью и даже жестокостью ко всему уходящему и, как ему тогда казалось, отживающему ранний Т. был коренным образом отличен от своих старших современников — П. Орешина, С. Клычкова, Н. Клюева, С. Есенина. В стихотворениях начинающего Т. не встретишь идиллической грусти, свойственной этим поэтам, как нет в этих стихах или почти нет декларативной лозунговости, пафосности так называемых «комсомольских поэтов» — А. Жарова, А. Безыменского.

Вторая половина 1920-х, когда, поддержанный М. Исаковским, Т. нашел свое призвание, отмечена удивительно быстрым ростом его поэтического мастерства. Большинство стих. этого периода несет в себе повествовательность и сюжетность. Композиционная строгость в сочетании с емкой, подчас скупой

психологической деталью возводит незначительное на первый взгляд событие (продажа ягод на станции, поездка артели плотников в город или уборка прокуренного после заседания помещения) на худож. высоту, в которой достоверность уже тогда высвечивала эпические черты. Обращаясь к темам и образам родного дома, дороги, переправы, ранний Т. постоянно внимателен к коллизии жизни и смерти, к кругу вечного возвращения явлений природы, причем взгляд поэта останавливается на переходном их состоянии в тот или иной невозвратно уносящийся миг. За четыре года после появления «Новой избы» Т. были сделаны значительные открытия, среди которых такие стих., как «**Ночной сторож**», «**Девочка с вишнями**» (оба — 1927), «**Перевозчик**», «**В пути**», «**Уборщица**» (все — 1928), «**Каникулы**», «**Новоселье**», «**Яблоки**», «**Друг мой вовремя уехал...**» (все — 1929).

Ободренный постоянными поэтическими публикациями и лит. признанием (уже в 1927 местная газ. «Юный товарищ» опубликовала «литературно-творческий этюд» Д. Осина «Александр Твардовский»), Т. в 1928 покидает родной дом. Сначала он пытается найти постоянную лит. работу в Смоленске, а затем, после появления в центральном ж. «Октябрь» (1929. № 3) стих. «**Доклад**»,— в Москве; «жил по углам, койкам, слонялся по редакциям», его «все заметнее относилось в сторону от прямого и трудного пути настоящей учебы, настоящей жизни» (Автобиография). Зимой

А. Т. Твардовский